
Дипломатическая миссия России при Постоянном рейхстаге в Регенсбурге в царствование Екатерины II

Мария Петрова

The Russian diplomatic mission at the Perpetual Diet in Regensburg
during the reign of Catherine II

Maria Petrova

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012931-5

Постоянный, или Долгий, рейхстаг (*Immerwährender Reichstag*)¹, заседавший с 1663 по 1806 г. на регулярной основе в вольном имперском городе Регенсбурге, был одним из системообразующих институтов Священной Римской империи германской нации. Первоначально он являлся собранием всех имперских штатов (*Reichsstände*)² — лиц и корпораций, к которым относились курфюрсты, избиравшие императора, князья, графы, прелаты и другие духовные и светские правители, рыцарские ордена, вольные и имперские города. Им предоставлялось право обсуждать вопросы войны и мира, общеимперские законы, утверждать налоги и субсидии, выставлять по просьбе императора воинские контингенты, разрешать территориальные споры. К середине XVIII в. имперские штаты практически перестали посещать заседания рейхстага, направляя вместо себя посланников (*Komitialgesandte*) или депутатов (*Deputierte*). Доверенности этих представителей передавались в Директорию рейхстага (*Reichstagsdirektorium*), или Имперскую директорию (*Reichsdirektorium*), находившуюся в ведении эрцканцлера (этот пост занимал один из курфюрстов — архиепископ Майнца³). Дипломаты иностранных держав, действовавшие в Регенсбурге на постоянной основе с конца XVII в., аккредитовались не только при Директории, но и при представителе императора на рейхстаге, именовавшемся главным комиссаром (*Prinzipalkommissar*)⁴.

В настоящее время рейхстаг изучается как важный институт поддержания мира в Европе и значимый общегерманский форум, где переплетались политические, конфессиональные, территориальные, экономические и прочие интересы имперских штатов, обсуждались новости и слухи, в том числе о междуна-

© 2020 г. М.А. Петрова

¹ В русских источниках XVIII в. использовались термины «имперское собрание» или «имперский сейм», которые до сих пор иногда встречаются в литературе.

² В российской историографии с XIX в. употребляются также термины «имперские чины» и «имперские сословия».

³ Härter K. Das Kurmainzer Reichstagsdirektorium — Eine zentrale reichspolitische Schaltstelle des Reichserzkanzlers im Reichssystem // Der Mainzer Kurfürst als Reichskanzler: Funktionen, Aktivitäten, Ansprüche und Bedeutung des zweiten Mannes des Alten Reichs / Hg. von P.C. Hartmann. Stuttgart, 1996. S. 171—204; Ивонин Ю.Е. Архиепископы Майнцские — эрцканцлеры и курфюрсты Старой империи // Проблемы истории международных отношений в Новое время. Сборник статей. Смоленск, 2002. С. 70—101.

⁴ Rohrschneider M. Österreich und der Immerwährender Reichstag: Studien zur Klientelpolitik und Parteibildung (1745—1763). Göttingen, 2014.

родных делах⁵. Исследуется также деятельность в Регенсбурге дипломатических представителей отдельных держав (особенно Франции и Великобритании)⁶. О российской миссии при рейхстаге, учреждённой в 1756 г., до недавнего времени упоминалось лишь в работах, посвящённых истории отношений Петербурга с отдельными германскими государствами⁷. Первой попыткой осмыслить её значение для внешней политики России в годы Семилетней войны стала статья Ю.Е. Ивонина⁸. Между тем деятельность миссии в Регенсбурге в последующие десятилетия в отечественной историографии пока ещё не анализировалась⁹.

К началу Семилетней войны Россия имела в Германии четыре постоянных дипломатических представительства: в Вене — при дворе императора Священной Римской империи, являвшегося одновременно главой Австрийского дома Габсбургов, в Берлине — при дворе короля Пруссии и курфюрста Бранденбурга, в Дрездене — при дворе курфюрста Саксонии, а также в вольном имперском городе Гамбурге. Решение о создании постоянной миссии в Регенсбурге императрица Елизавета Петровна приняла на заседании Конференции при высочайшем дворе 12 ноября 1756 г.¹⁰ в ответ на просьбу саксонского курфюрста Фридриха Августа II (польского короля Августа III) направить на рейхстаг аккредитованного представителя России, чтобы он «тамо интересы союзников подкреплял и прочих сочленов империи твердым противу короля прусского резолюциям побуждал». Несколько ранее подобное предложение поступило в Петербург и от другого союзника — Австрии. По мнению

⁵ См.: Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495—1806. Т. 2. Ч. 2. М., 2009; Friedrich S. Drehscheibe Regensburg: Das Informations- und Kommunikationssystem des Immerwährenden Reichstags um 1700. Berlin, 2007. Подробнее см.: Härter K. Der Immerwährende Reichstag (1663—1806) in historischen Forschung // *Zeitenblicke*. Onlinejournal für Geschichtswissenschaften. 2012. № 11(2): Der Immerwährende Reichstag im 18. Jahrhundert. Bilanz, Neuansätze und Perspektiven der Forschung / Hg. M. Rohrschneider (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Haerter/index_html).

⁶ См., например: Auerbach B. La France et le Saint Empire Romain Germanique depuis la Paix de Westphalie jusqu'à la Révolution française. P., 1912; Bély L. Les diplomates français dans le Saint-Empire au XVIIIe siècle // *Deutsche in Frankreich und Franzosen in Deutschland 1715—1789: Institutionelle Verbindungen, soziale Gruppen, Stätten des Austausches* / Hgg. J. Mondot, J.-M. Valentin, J. Voss. Sigmaringen, 1992. S. 15—26; Externbrink S. Nach der «diplomatischen Revolution»: Funktion und Aufgaben der französischen Reichstagesgesandtschaft // *Zeitenblicke*. 2012. № 11(2) (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Externbrink/index_html); Schütz E. Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfalz-)bayerischen Hof zu München. 1683—1806. München, 2007.

⁷ См., например: Трачевский А.С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780—1790. СПб., 1877; Stribny W. Die Rußlandpolitik Friedrichs des Großen. 1764—1786. Würzburg, 1966; Aretin K.O., von. Heiliges Römisches Reich 1776—1806: Reichsverfassung und Staatssouveränität. 2 Bde. Wiesbaden, 1967; Нерсесов Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779). М., 1979; Шафр К. Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015.

⁸ Ivinin J. Die Russische Gesandtschaft auf dem Immerwährenden Reichstag in Regensburg während des Siebenjährigen Krieges 1756—1763 // Friedrich II. und das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen / Hg. O. Kurilo. Berlin, 2013. S. 86—99.

⁹ См. также: Petrova M. Auf verlorenem Posten? Die diplomatischen Vertreter Russlands in Regensburg im 18. Jahrhundert (bis zur Französischen Revolution) // *Reichsstadt, Reich, Europa: Neue Perspektiven auf den Immerwährenden Reichstag zu Regensburg (1663—1806)* / Hgg. H. Rudolph, A. von Schlachta. Regensburg, 2015. S. 217—237. Текст данной статьи был существенно переработан и дополнен, в том числе и документами АВПРИ.

¹⁰ События датированы по старому стилю, документы — в соответствии с оригиналом (в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовался старый стиль, иногда указывались двойные даты; европейские дипломаты пользовались новым стилем).

членов Конференции, создание новой миссии позволило бы России и после войны сохранить за собой право «вступаться в дела» союзников и укрепило бы позиции вел. кн. Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского¹¹.

Резидентом в Регенсбург был назначен секретарь посольства в Вене прусский подданный Г.Г. Бютнер, получивший чин надворного советника и жалование в 3 тыс. руб.¹² За 20 лет службы при различных германских дворах он приобрёл необходимые знания в имперских делах и имел недолгий опыт взаимодействия с рейхстагом, поскольку в 1745—1746 гг. сопровождал российского дипломата курляндского происхождения гр. Г.К. фон Кейзерлинга сначала во Франкфурт на собрание курфюрстов, избравших императора (2 сентября 1745 г. им стал великий герцог Тосканский Франц Стефан, супруг австрийской эрцгерцогини Марии Терезии), а затем в Регенсбург, где утверждались итоги выборов. Тогда же Кейзерлингу удалось добиться от имперских штатов признания за Елизаветой Петровной императорского титула и подтверждения прав вел. кн. Петра Фёдоровича, достигшего совершеннолетия, на герцогство Гольштейн-Готторп¹³.

Согласно инструкции, составленной в Коллегии иностранных дел 31 декабря 1756 г., Бютнеру поручалось наблюдать за посланниками имперских штатов (особенно тех, которые воевали против России и её союзников), сотрудничать с представителями Австрии, Саксонии и Франции, собирать сведения о передвижении воинских контингентов противника и своевременно информировать российское командование о ходе военных действий¹⁴. Этой инструкции в годы Семилетней войны придерживались и преемники Бютнера. После его скоропостижной смерти 16 февраля 1758 г. российский посол в Вене гр. Кейзерлинг спешно отправил в Регенсбург находившегося при нём дворянина посольства капитана П.А. Левашёва¹⁵. Однако на пост резидента граф рекомендовал секретаря посольства в Вене И.М. Симолина¹⁶. Елизавета Петровна согласилась и, произведя 15 марта Симолина в надворные советники с жалованием в 4 тыс. руб., направила его в Регенсбург, куда он прибыл в конце мая 1758 г.¹⁷

23 апреля 1761 г. гр. Кейзерлинг и Симолин были назначены уполномоченными России на мирный конгресс в Аугсбурге, намеченный на конец года (пост резидента в Регенсбурге получил Левашёв)¹⁸. Но из-за многочисленных

¹¹ Записка в доклад, составленная по итогам обсуждения 9 ноября 1756 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 136. СПб., 1912. С. 390.

¹² АВПРИ, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 364—364 об.; ф. 83, оп. 1, 1757, д. 1, л. 3—5.

¹³ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. М., 1896. С. 1—4.

¹⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 350—356 об.

¹⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 5. Левашёв был назначен в помощь Бютнеру ещё 31 марта 1757 г., однако оставался в Вене (АВПРИ, ф. 83, оп. 1, 1756, д. 2, л. 46; ф. 2, оп. 1, д. 1945, л. 3—3 об.).

¹⁶ АВПРИ, ф. 32, оп. 1, 1758, д. 6, л. 74—74 об. Уроженец Ревеля Иван Матвеевич (Иоганн Матиас) Симолин (1720/21—1799) был сыном приходского священника шведского города Або (Турку) и подданным Российской империи. О нём и его брате Карле Матвеевиче см.: Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi / Red. Th. Westrin. Stockholm, 1917. Bd. 25: Sekt — Slöjskifling. S. 577—578; «Скаска» елизаветинской России / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XV. М., 2007. С. 134—135.

¹⁷ АВПРИ, ф. 83, оп. 1, 1758, д. 4, л. 1—1 об.

¹⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 5.

разногласий воюющие державы так и не смогли согласовать дату начала переговоров, и уже к октябрю 1761 г. стало ясно, что попытка заключить мир провалилась¹⁹. А после того как Пётр III вернул Фридриху II Восточную Пруссию и начал готовиться к войне с Данией за Шлезвиг, проведение мирного конгресса в прежнем составе утратило всякий смысл. В январе 1762 г. уполномоченных отозвали в Петербург, 15 марта Симолин, пожалованный 9 марта в канцелярии советники, вновь отправился в Регенсбург, на этот раз в ранге министра²⁰.

Екатерина II, вступив на престол, сразу же проявила заинтересованность в интенсивной работе миссии при рейхстаге и уже 21 июля поддержала предложение Симолина о расширении её штата, состоявшего из одного человека и дополненного теперь должностью секретаря посольства, что объяснялось как требованиями этикета, так и необходимостью поддерживать равенство с представителями других держав²¹. Этот пост занял уроженец Киля А.С. Струве, который с 1755 г. служил в той же должности в голштейн-готторпской миссии на рейхстаге, также активизировавшей свою деятельность. Через голштинские представительства в Вене и Регенсбурге было улажено дело о признании Францем I и империей опекуна Екатерины II над герцогством Гольштейн-Готторп, принадлежавшим несовершеннолетнему вел. кн. Павлу Петровичу. Российские дипломаты в Вене и Регенсбурге, естественно, содействовали своим коллегам²².

Придя к власти, Екатерина II не ратифицировала договор о союзе с Пруссией, заключённый Петром III 8 июня 1762 г., и попыталась взять на себя роль посредницы в деле примирения держав, участвовавших в Семилетней войне. 26 декабря она поручила Симолину известить имперских князей о её твёрдом намерении «совершенно защищать вольности, преимущества и правости всех членов Римской империи и, заступая за них повсюду, не допускать ни до малейшего их утеснения, разсуждая притом далее, сколь для всех их полезно было бы, когда бы мы гарантом были в ненарушимом соблюдении всех их конституций». Заверения эти следовало делать, не ссылаясь на соответствующие указания²³. Императрице хотелось создать впечатление, будто инициатива обращения к российскому посредничеству исходила от самих штатов.

15 января 1763 г. российских дипломатов в Париже, Вене, Берлине и Регенсбурге уведомили о том, что английский двор предложил Екатерине II совместными усилиями склонить имперские штаты к «полезному для них нейтралитету» в войне между Австрией и Пруссией, дабы предотвратить разорение их территорий. Представители германских государств на рейхстаге обращались к Симолину с жалобами на действия прусских войск, рассчитывая на вмешательство России²⁴. Однако уже 4 февраля 1763 г. Австрия, Пруссия и Саксония заключили Губертсбургский мирный договор на основе *status quo ante bellum*, поставив Петербург перед свершившимся фактом. Впрочем, это не помешало посланникам Майнца и Зальцбурга на рейхстаге от имени Коллегии курфюрстов и Коллегии князей выразить Екатерине II благодарность за «попечение о

¹⁹ Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756—1763 гг. М., 2014. С. 267—314.

²⁰ АВПРИ, ф. 75, оп. 1, д. 13.

²¹ Сборник ИРИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 73.

²² Там же. С. 112, 481—485.

²³ Там же. С. 241—242.

²⁴ Там же. С. 268—270.

тишине и благополучии Германии» и предложить ей взять на себя «теснейшие обязательства о предохранении и ручательстве имперской системы»²⁵. Своими идеями они поделились с австрийским посланником М.П.А. фон Бухенбергом, который, по словам российского посла в Вене кн. Д.М. Голицына, ответил, что Марии Терезии «толь приятнее будет видеть возстановление теснейшаго согласия между нами и Германскою империею, ибо и сама она всегда стараться станет древния натуральныя обязательства свои с нашею империею не токмо сохранить, но и вящще утвердить»²⁶. Однако, как отмечал кн. Голицын, Бухенберг счёл эти заявления «партикулярными разговорами», а не официальной позицией Майнца и Зальцбурга. Поэтому в Вене дело оставили «без примечания»²⁷.

Екатерина II на какое-то время также потеряла интерес к этой идее. Наибольшее значение для неё в первые годы правления имели польские дела. Сначала она задумала восстановить Э.И. Бирона, возвращённого из ссылки Петром III, в Курляндии и Семигалии — вассальном герцогстве Речи Посполитой. Правившего там принца Карла Саксонского, сына Августа III, тщетно пытались при помощи переговоров и угроз вынудить покинуть Митаву. В январе 1763 г. Бирон въехал в столицу Курляндии при поддержке русских войск, прибывших в Ригу в конце 1762 г. Принц Карл до апреля 1763 г. просидел в осаде в своём дворце, надеясь на изменение ситуации, а затем бежал в Варшаву²⁸.

Стремительно ухудшавшееся с начала 1762 г. здоровье Августа III заставляло Екатерину II задуматься о будущем польского престола. На протяжении XVIII в. Россия поддерживала избрание на него саксонских курфюрстов, но уже Пётр III предпочитал видеть королём «природного» поляка. А его супруга предложила магнатам и шляхте кандидатуру своего прежнего возлюбленного — Станислава Августа Понятовского, происходившего по матери из рода князей Чарторыйских.

Между тем отказ от политики Елизаветы Петровны серьёзно осложнил отношения России с Австрией, её главным союзником с 1746 г. Венский двор по-прежнему действовал в Варшаве в интересах саксонского курфюрста, тогда как Фридрих II был не прочь лишить его наследника польской короны и заключить союз с Екатериной II. 24 сентября 1763 г. Август III скончался, год спустя сейм провозгласил королём Станислава Августа Понятовского. Российско-австрийский союз, сохранявшийся на бумаге до 1771 г., фактически распался. А заключённый 31 марта 1764 г. договор с Пруссией положил начало «северной системе» Н.И. Панина, предусматривавшей альянс России с Пруссией, Великобританией, Данией, Швецией и Польшей²⁹.

Несмотря на ухудшение отношений с Саксонией, Екатерина II решила возобновить работу российского представительства в Дрездене. В 1756 г. после нападения Фридриха II на Саксонию оно переехало вместе с двором курфюрста в Варшаву. Но когда по окончании Семилетней войны Август III вернулся

²⁵ Там же. С. 466—467.

²⁶ Там же. С. 466.

²⁷ АВПРИ, ф. 32, оп. 6. д. 413, л. 98—99 об.

²⁸ Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756—1768 гг. М., 2004. С. 73—79.

²⁹ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 158—165; Герасимова Г.И. «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 65—78.

в Дрезден, назначенный ещё Петром III послом при польско-саксонском дворе гр. Кейзерлинг по высочайшему распоряжению остался в Варшаве. В Дрезден в конце июля 1763 г. предполагалось направить Симолина, место которого при рейхстаге должен был занять Левашёв, но в конце августа его перевели поверенным в делах в Константинополь, заменив в Регенсбурге С.В. Салтыковым, ранее служившим посланником в Париже³⁰.

Новое назначение не обрадовало Симолина. Его родной брат Карл Матвеевич, будучи министром в Митаве, приложил немало усилий для смещения с курляндского престола принца Карла и тем самым скомпрометировал себя перед саксонским двором. Чтобы не ставить Ивана Матвеевича в сложное положение, по-прежнему покровительствовавший ему гр. Кейзерлинг в декабре 1763 г. предложил послать в Дрезден Салтыкова. Поскольку после смерти Августа III для императрицы уже не имело большого значения, кто куда поедет («кто умнее, тому книги в руки»), она легко согласилась с подобным решением, и Симолин остался почти на девять лет в Регенсбурге³¹. Человек деятельный и честолюбивый, он не довольствовался ролью наблюдателя за конфликтами между имперскими штатами (хотя регулярно составлял донесения об их внутренней и внешней политике) и сумел проявить себя на самых разных поприщах.

После издания манифестов 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г., позволявших иностранным колонистам осваивать малозаселённые области России и гарантировавших им права и покровительство властей³², дипломаты Екатерины II должны были распространять в местной прессе информацию о новых законах, разыскивать потенциальных переселенцев и организовывать их отправку в империю, обеспечивая паспортами, транспортом, деньгами на проезд и питание³³. При этом циркулярный рескрипт императрицы, разосланный 28 ноября 1763 г., уточнял, что действовать подобным образом следовало только в тех государствах, которые это не запрещали, «ибо иначе непристойно аккредитованному министру явным образом сделаться вербовщиком людей той земли подданных, где он пребывает, и под своею протекциею партиями и фамилиями высылать»³⁴. Понимая сложность задачи, требовавшей определённых навыков, гибкости, расторопности и особенно умения разбираться в людях, Екатерина II разрешала своим представителям поступать «по вашему благоизобретению» или «по вашему усмотрению, но без излишеств».

Во Франконском, Швабском, Верхнерейнском и Нижнесаксонском округах Священной Римской империи, в отличие от многих других германских территорий и некоторых европейских стран, вербовка колонистов не запрещалась, поэтому Симолин и российский министр в Гамбурге А.С. Мусин-Пушкин действовали открыто. Но вскоре выяснилось, что справиться своими силами им не удаётся, и уже в 1763 г. Симолин предложил учредить пост комиссара в Любеке. Его, по рекомендации гр. Мусина-Пушкина, занял купец

³⁰ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 7222, л. 73—74, 190—191 об.; ф. 83, оп. 3, д. 3, л. 5—6 об.; Сборник ИРИО. Т. 48. С. 585—587; *Кессельбреннер Г.Л.* От Посольской избы до Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 2007. С. 398—400.

³¹ Сборник ИРИО. Т. 51. СПб., 1886. С. 493. Однако и Салтыков до Дрездена так и не доехал — след его потерялся в Париже. Посланник же при саксонском дворе появился лишь в мае 1766 г., когда впечатление от избрания Станислава Августа королём Польши несколько сгладилось.

³² ПСЗ-I. Т. 16. № 11720, № 11880.

³³ Сборник ИРИО. Т. 48. С. 251—252, 571—572.

³⁴ Там же. Т. 51. С. 127.

Г. Шмит. В 1765 г. Симолин подобрал ещё двух комиссаров — К.Ф. Мейкснера из Аугсбурга и уроженца графства Ганау И. Фациуса³⁵. Местом пребывания первого стал Ульм, второго — Франкфурт-на-Майне, затем Бюдинген. Симолин привёл обоих к присяге и составил для них подробную инструкцию³⁶.

Помимо официальных комиссаров в дело активно включились «вызыватели» — частные предприниматели, организовывавшие что-то вроде товариществ и заключавшие контракты с Канцелярией опекунства иностранных, созданной в Петербурге для приёма колонистов. Посредником между «вызывателями» и Канцелярией выступал гр. Мусин-Пушкин. По мнению многих исследователей, именно эти люди, движимые желанием любой ценой получить прибыль, сыграли свою роль в том, что в Россию устремились не только те, в ком она действительно нуждалась, но и искатели приключений, не нашедшие применения своим способностям на родине³⁷.

Симолин отлично разбирался в происходившем и просил Канцелярию опекунства и Коллегию иностранных дел не посылать частных агентов в те округа и города, где уже действовали назначенные им комиссары, в чьей честности он не сомневался³⁸. Однако имперские штаты часто не видели различий между ними, и Симолину, внимательно относившемуся к нуждам своих подчинённых, приходилось отстаивать их интересы, снабжать деньгами, вступать в прямые переговоры с германскими князьями.

Деятельность российских комиссаров и «вызывателей» подверглась жёсткой критике со стороны местных дворов, не желавших лишаться квалифицированной рабочей силы и налогоплательщиков. В результате к концу 1766 г. вербовку пришлось свернуть. За три года в Россию переселились более 30 тыс. человек, из них около 3 тыс. семей переправили комиссары (главным образом Фациус), которыми руководил Симолин³⁹. Екатерина II оценила вклад дипломата, повысив в ноябре 1766 г. его годовое жалованье до 6 тыс. руб.⁴⁰

Пользуясь связями с представителями имперских штатов, имевшими агентов в Риме, Симолин получал от них сведения о деятельности иезуитов и политике папской курии в Польше. Иван Матвеевич также следил за появлением антироссийских публикаций, давая отпор особо ретивым, по его мнению, журналистам⁴¹. Кроме того, он приглашал в Россию талантливых мастеров, приобретал произведения искусства для императорских и частных собраний.

Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество Симолина с вице-канцлером кн. А.М. Голицыным. В апреле 1770 г. князь просил помочь ему в приобретении «нескольких хороших картин по хорошей цене, среднего размера на

³⁵ В 1744—1756 гг. он служил секретарём голштейн-готторпской миссии на рейхстаге, после чего состоял секретарём четырёх британских министров в Регенсбурге и Мюнхене.

³⁶ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. Приложение. С. 8—14.

³⁷ Там же; Bartlett R. Foreign Settlement in Russia under Catherine II // New Zealand Slavonic Journal. 1974. № 1. P. 1—22; Goggi G., Dulac G. Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. 1993. № 14. P. 23—83; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008; Decker K.-P. Büdingen als Sammelplatz der Auswanderung an die Wolga 1766. Büdingen, 2009.

³⁸ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3205, л. 57—57 об.

³⁹ Писаревский Г. Указ. соч. С. 169; Плева И.Р. Немецкие колонии... С. 64.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 75, оп. 75/1, д. 16, л. 31.

⁴¹ Петрова М.А. Стандартизация европейской дипломатической практики во второй половине XVIII века: опыт российских дипломатов // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2019. С. 192—194.

приятный и интересный сюжет»⁴². За два года при участии Симолина на аукционах и у частных лиц в Германии, Франции и Италии было приобретено около 40 работ голландских, фламандских и немецких мастеров XVII—XVIII вв. Это примерно восьмая часть живописного собрания князя, насчитывавшего, согласно сохранившемуся каталогу, 311 картин⁴³. Параллельно приобретались и произведения скульптуры⁴⁴.

Выполняя поручение вице-канцлера, Симолин создал двухуровневую сеть агентов. Непосредственно от него получали инструкции Фациус (к этому времени — российский комиссар в Бонне) и проживавший в Аугсбурге итальянский художник Г. Гульельми, который в 1750-х — начале 1760-х гг. расписывал фресками дворцы в Вене, Берлине и Аугсбурге, а в 1772 г. был приглашён в Россию⁴⁵. Они, в свою очередь, привлекали к отбору произведений разного рода помощников, в основном художников. Среди них служивший при дворе кёльнского курфюрста И.М. Шильдт, К.Г. Шютц-старший, а также один из представителей династии Тишбейнов. В их задачу входили осмотр картин, определение их ценности, характеристика состояния холста и красочного слоя, иногда переговоры с владельцами. Напрямую с Симолиным они не общались, но Гульельми и Фациус регулярно предоставляли ему детальный отчёт об их хлопотах. Судя по сохранившимся письмам, кн. Голицын был вполне доволен тем, как функционировала эта система.

Успешное выполнение подобных поручений не могло удовлетворить амбиции Симолина, не без оснований рассматривавшего пост в Регенсбурге как временный и даже «неблагодарный» (*ingrat*). С 1765 г. дипломат не раз просил кн. Голицына и Панина подыскать ему другое место, напоминая, что никто из его иностранных коллег не находился при рейхстаге так долго⁴⁶.

Сложным было и финансовое положение сотрудников российской миссии в Регенсбурге. Таможенные пошлины, установленные баварским курфюрстом для этого имперского города с 1 мая 1765 г., вызвали существенный рост цен на продукты питания⁴⁷. Жалованье же приходило из Петербурга с задержкой и постепенно обесценивалось из-за повышения вексельного курса; приходилось брать деньги в долг под проценты. Симолин постоянно просил дополнительных средств и для себя, и для своих сотрудников, но, несмотря на содействие кн. Голицына ему в этом вопросе и отсутствие возражений у Екатерины II, исполнение решений Коллегии иностранных дел Штатс-канцелярией или Сенатом, распоряжавшимися деньгами, растягивалось на месяцы, а иногда и годы. Так, лишь в 1766 г. Симолин добился компенсации средств, потраченных в 1761 г. на поездку в Аугсбург на несостоявшийся конгресс.

В конце 1771 г. Симолина неожиданно вызвали в Петербург и отправили с поручением к гр. П.А. Румянцеву, командовавшему армией на Дунае. С начала

⁴² РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 5350, л. 19 об.—20.

⁴³ Государственный Эрмитаж, ф. 1, оп. 6а, д. 122, ч. 1, л. 3—161. В каталоге фигурировали П. Вауверман, Д. Тенирс, Г. Дау, Л. Джордано, Г. Рени, Х. де Рибера (Спаньолетто), П.П. Рубенс, Рембрандт и Тинторетто. Но атрибуция указанных в нём картин требует проверки.

⁴⁴ Петрова М.А. Дипломаты как художественные агенты: И.М. Симолин и формирование коллекции скульптуры князя А.М. Голицына в начале 1770-х годов // Век Просвещения. Вып. VI. М., 2018. С. 261—289.

⁴⁵ Петрова М.А. Дипломатия и искусство: итальянский художник Грегорио Гульельми и Россия // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 110—123.

⁴⁶ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3203, л. 38 об.; д. 3204, л. 60.

⁴⁷ Там же, д. 3203, л. 26 об.

марта 1772 г. Иван Матвеевич почти два месяца вёл в Журжево переговоры о перемирии между Россией и Турцией. Его подписание 19 мая предшествовало мирному конгрессу, собравшемуся в июле в Фокшанах. 22 июня гр. Румянцев в особом «свидетельстве» отметил «искуство и наибольшее рвение к службе» Симолина, который ещё в конце мая, когда в благоприятном исходе переговоров в Петербурге уже не сомневались, узнал о скором переводе в Копенгаген⁴⁸. 31 июля 1772 г. Екатерина II пожаловала его в действительные статские советники, назначив чрезвычайным посланником и полномочным министром при датском дворе с жалованьем в 8 тыс. руб. Кроме того, ему выплатили 6 тыс. руб. на проезд к новому месту службы и 2 тыс. руб. за издержки по пути из Регенсбурга в Петербург и Журжево в 1771 г. Ещё 4 тыс. руб. он получил в качестве награды за подписание перемирия⁴⁹. Впоследствии Иван Матвеевич представлял интересы России в Стокгольме, Лондоне и Париже.

Два года пост министра в Регенсбурге оставался вакантным. В 1774 г. его занял барон А.Ф. Ассебург, происходивший из Мейсдорфа в Бранденбурге. В 1744 г. он поступил на службу к ландграфу Гессен-Кассельскому Фридриху I (шведскому королю Фредерику I) и представлял его в 1745 г. на выборах императора во Франкфурте. В 1753 г. Ассебург перешёл к королю Дании Кристиану VII, став чрезвычайным посланником в Швеции (1759—1760), Пруссии (1762—1763), Вюртемберге (1764—1765; 1769—1771) и России (с ноября 1765 по январь 1768 г., с сентября 1767 г. — в ранге посла)⁵⁰. В 1767 г. барон принимал участие в заключении договора между Россией и Данией, предварительно зафиксировавшего отказ вел. кн. Павла Петровича от претензий на Шлезвиг и согласие обменять герцогство Гольштейн-Готторп на графства Ольденбург и Дельменхорст, принадлежавшие Дании. Обмен состоялся в 1773 г., когда великий князь достиг совершеннолетия и подарил по Царскосельскому трактату графства Ольденбург и Дельменхорст представителю младшей ветви Гольштейн-Готторпского дома — князю-епископу Любека Фридриху Августу (дяде Екатерины II). В 1774 г. в Эйтине, резиденции епископа, открылась российская дипломатическая миссия.

Императрица ценила мнения Ассебурга. В 1771 г. по его совету она выступила гарантом Раштаттского договора 1765 г., урегулировавшего территориальные споры между маркграфами Баден-Баденским и Баден-Дурлахским⁵¹, но отказалась стать четвёртым (вместе с Пруссией, Данией и Ганновером) гарантом договора о сохранении протестантской веры между герцогом Карлом Евгением и сословиями Вюртемберга⁵². 10 мая 1771 г. гр. Панин передал барону предложение Екатерины II поступить на российскую службу: «Вы дорожите интересами и славой её императорского величества, она, со своей стороны, имеет полное представление о Ваших достоинствах и заслугах. Доказательство тому — важная комиссия и предпочтение, которое было оказано Вам перед всеми другими, невзирая на Ваши связи с иностранной державой»⁵³. Панин имел в виду выполнение Ассебургом деликатного поручения императрицы — выбора неве-

⁴⁸ Там же, ф. 205, оп. 1, д. 2, л. 68 об.—69.

⁴⁹ Сборник ИРИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 172.

⁵⁰ Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd. 3: 1764—1815 / Hg. O.F. Winter. Graz; Köln, 1965. S. 52, 58, 59.

⁵¹ Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg, Erbherrn auf Falkenstein und Meisdorf etc. Berlin, 1842. S. 228—235.

⁵² Шарф К. Указ. соч. С. 289—293.

⁵³ Сборник ИРИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 86—87.

сты для наследника российского престола⁵⁴. 7 декабря 1771 г. барон поступил в Коллегию иностранных дел в чине действительного тайного советника⁵⁵.

Назначение Ассебурга российским представителем при рейхстаге состоялось 28 августа 1773 г.⁵⁶ По праву считаясь знатоком истории Священной Римской империи, он, ещё будучи посланником в Петербурге, обсуждал с Паниным идею «ручательства», или гарантии, Россией имперской конституции, т.е. существовавшего устройства Германии, основанного на обширном, складывавшемся веками законодательстве. Ассебург осторожно, но последовательно проводил мысль о том, что Швеция и Франция, гаранты Вестфальского мира 1648 г. и, соответственно, установленного им *status quo*, больше не в состоянии выполнять эти функции и их место должна занять Россия⁵⁷.

В данной дипломату 30 сентября 1774 г. инструкции, составленной гр. Паниным, идея «ручательства» имперской конституции высказана не была: лишь упоминалось об упадке Швеции и амбициях Франции, стремившейся раздвинуть свои границы (с 1756 г. — в союзе с Австрией), а Священная Римская империя признавалась рыхлым образованием, члены которого заботятся исключительно о собственных интересах и неспособны к координации действий при решении внутренних и внешних проблем. Поэтому пребывание министра в Регенсбурге считалось необходимым не столько для усиления политического влияния на дела Германии, сколько для «представительства и величия Российской империи». Ассебургу вменялось в обязанность поддерживать добрые отношения с представителями всех имперских штатов, особенно тех, которые были связаны семейными узами с российским императорским домом или находились с ним в союзе, а также зорко следить за их политической ориентацией и отношениями с Австрией и Пруссией. При этом дипломат должен был при случае напоминать, что Россия, не имея после урегулирования голштинского вопроса территориальных претензий к Германскому корпусу (*le corps Germanique*), готова стать для него «другом и незаинтересованным и беспристрастным посредником» в делах⁵⁸.

К месту службы Ассебург прибыл 26 апреля 1775 г., но в июле уехал в своё имение Мейсдорф, так и не вручив верительные грамоты⁵⁹ из-за возникших церемониальных трудностей.

В Священной Римской империи с её сложной иерархической структурой, где каждый имперский штат имел свой правовой статус и соответствовавшее ему положение, церемониалу уделялось особое внимание. Рейхстаг постоянно становился ареной жарких споров о старшинстве (*Präzedenz*). После Вестфальского мира 1648 г., когда имперские штаты фактически стали суверенными государствами, курфюрсты, избиравшие императора, начали добиваться для себя королевских привилегий и повышения статуса своих представителей:

⁵⁴ Ассебург рекомендовал отдать предпочтение или принцессе Гессен-Дармштадтской Вильгельмине Луизе, или принцессе Вюртембергской Софии Доротее, которая, однако, была ещё слишком юной. Выбор пал на дочь гессенского ландграфа. А летом 1776 г., вскоре после кончины вел. кн. Натальи Алексеевны, Ассебург сопровождал вел. кн. Павла Петровича в Вюртемберг на смотрины новой невесты — Софии Доротеи, будущей императрицы Марии Фёдоровны.

⁵⁵ Сборник ИРИО. Т. 13. С. 140. Копии выданного ему 12 марта 1772 г. патента на французском и русском языке см.: РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3955, л. 6, 7.

⁵⁶ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg...* S. 284.

⁵⁷ Подробнее см.: *Шарф К.* Указ. соч. С. 265—266, 291—293.

⁵⁸ Сборник ИРИО. Т. 135. СПб., 1911. С. 241—244.

⁵⁹ Их копию см.: АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 128, л. 81—83.

обращения «превосходительство» (*Exzellenztitel*), права занимать традиционно более почётное место справа от монарха и ожидать первый визит от иностранных дипломатов по приезде к новому месту службы. Во второй половине XVII в. такими преимуществами пользовались полномочные депутаты (*députés plénipotentiaires*) или уполномоченные (*plénipotentiaires*) Франции⁶⁰.

В начале Войны за испанское наследство, 1(12) августа 1702 г., курфюрсты впервые предоставили своим посланникам право требовать от иностранных министров первого визита и титула *Exzellenz*, тем самым они фактически были объявлены министрами первого ранга (*Ministri primi ordinis*), к которым относились только чрезвычайные и полномочные послы. Представители имперских князей и городов признавались министрами второго ранга (*Ministri secundi ordinis*).

Баденский мирный договор 1714 г. между Францией и империей подтвердил королевские привилегии курфюрстов, что позволило им на заседании коллегии 1(12) июля 1715 г. принять решение, в котором к министрам второго ранга приравнивались и посланники иностранных держав при рейхстаге⁶¹. При этом представители курфюрстов, претендовавшие на посольские привилегии, продолжали называться посланниками. Когда в 1716 г. французский двор направил уполномоченным на рейхстаг Ж.В. Ланге, графа де Жержи, его соглашались принять как равного только в том случае, если он будет аккредитован как посол. Но в Париже считали ниже своего достоинства назначать на рейхстаг послов, которых по обычаю направляли к монаршим дворам⁶². Поэтому де Жержи в течение почти пяти лет пребывания в Регенсбурге приходилось избегать не только официальных контактов, но даже неформального общения с дипломатами курфюрстов. В 1720 г. французский двор решил его отозвать, направив на рейхстаг агента, не имевшего ранга⁶³.

7(18) ноября 1726 г. Коллегия курфюрстов установила, что иностранные дипломаты второго ранга (чрезвычайные посланники, полномочные министры), прибыв в Регенсбург, должны вручать верительные грамоты при первом визите к посланнику курфюрста Майнца — главы Канцелярии рейхстага. Он встречал их у входа в переднюю, но во время ответного визита его следовало встречать у подножия лестницы, что явно нарушало паритет⁶⁴. С тех пор представители Франции, Республики Соединённых провинций и Великобритании аккредитовались при рейхстаге как «министры без характера» (*ministres sans caractère*)⁶⁵, реже как резиденты, поскольку ни те, ни другие, будучи дипломатами третьего ранга, не участвовали в указанных церемониях.

В Петербурге об этих конфликтах знали, поэтому в Регенсбург в 1757 г. направили резидента, а в 1762 г. — «министра без характера». Гр. Кейзерлинг

⁶⁰ Точнее было бы назвать их «полномочными», но в русском языке это слово не используется как существительное.

⁶¹ Schütz E. Op. cit. S. 172—173.

⁶² Haug T. «D'égal à égal?» — Statuskommunikation französischer Gesandter auf dem Immerwährenden Reichstag zwischen europäischen und reichsständischen Repräsentationsformen // Reichsstadt, Reich, Europa... S. 242.

⁶³ Braun G. Der Immerwährende Reichstag aus französischer Sicht in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Zeitenblicke. 2012. № 11(2) (URL: http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Braun/index_html).

⁶⁴ Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg... S. 289—290.

⁶⁵ «Характер» — трудно поддающийся определению термин, обозначающий особый статус, которым обладали только дипломаты первого и второго ранга. Подробнее о рангах см.: Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2013. С. 25—30, 39—49.

в 1746 г. избежал церемониальных проблем, так как на выборном собрании во Франкфурте-на-Майне в 1745 г. он уже был принят как полномочный министр. Рейхстаг рассматривал его миссию как продолжение предыдущей и «обращался с ним с большим вниманием, не следуя неукоснительно обычному церемониалу»⁶⁶. Кроме того, признание императорского достоинства Елизаветы Петровны в рекредитивной (отпускной) грамоте, подготовленной для графа во Франкфурте, увязывалось с признанием Россией королевского статуса курфюрстов, которые хотели, чтобы российский министр высказался на рейхстаге в их пользу. Гр. Кейзерлинг заявил, что считает королевские привилегии курфюрстов «неоспоримыми» (*incontestables*)⁶⁷.

В июле 1763 г. новый полномочный министр Великобритании в Регенсбурге Ф. Стэнхоуп попытался добиться от Коллегии курфюрстов соблюдения церемониального равенства с их посланниками и предложил Симолину и французскому министру Л.Г. дю Бюа-Нансе выступить совместно и прекратить практику, унижительную для иностранцев. Со своей стороны, Симолин 19 июля направил Екатерине II реляцию, рекомендуя повысить ранг дипломатических представителей России при рейхстаге, уравнив их с дипломатами Англии и Франции. В Петербурге одобрили его соображения, и Салтыков должен был ехать в Регенсбург в ранге полномочного министра⁶⁸. Вместе с тем Коллегия иностранных дел рекомендовала Симолину действовать осторожно и не подписывать никаких документов совместно с французским и британским министрами, дабы избежать спора о первенстве между дворами и не уронить «достоинство императорского титула» Екатерины II. Более предпочтительным казалось, чтобы каждый из них подал в Имперскую канцелярию свой экземпляр заранее согласованного с другими заявления⁶⁹. Однако до подписания совместных документов дело так и не дошло: уже 1 августа 1763 г. Стэнхоуп получил от Коллегии курфюрстов и Коллегии имперских князей отрицательный ответ на свои представления. На этом миссия его завершилась, и дипломаты Георга III продолжили аккредитоваться при рейхстаге как «министры без характера»⁷⁰.

Размышляя в реляции 30 сентября (11 октября) о деле Стэнхоупа, Симолин выражал уверенность, что только «совокупное старание всех в том участвующих корон» позволит добиться урегулирования церемониальных споров⁷¹. Соответственно назначение полномочного министра признавалось нецелесообразным. Коллегии иностранных дел даже пришлось подготовить Салтыкову новую верительную грамоту — как «министру без характера»⁷². В этом же статусе остался в Регенсбурге и Симолин. «Никому в мире не приходило в голову отменять посольское право коронованных особ, — жаловался он в письме кн. Голицину 12(23) сентября 1765 г., — тем временем Коллегия курфюрстов нашла возможным до такой степени принизить характер иностранных послов при рейхстагах империи, что ни одна держава не может, не подвергая себя уни-

⁶⁶ АВПРИ, ф. 83, оп. 2, д. 126, л. 7 об.

⁶⁷ Archives diplomatiques du Ministère des Affaires Étrangères, Correspondance politique, Allemagne, vol. 543, fol. 68—68v.

⁶⁸ Сборник ИРИО. Т. 48. С. 574—575.

⁶⁹ Там же. С. 581, 583—587.

⁷⁰ Подробнее о деле Стэнхоупа см.: АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 126, л. 7—7 об. См. также: Schütz E. Op. cit. S. 174—176.

⁷¹ Сборник ИРИО. Т. 51. С. 68—69.

⁷² Там же. С. 74—75.

жению, отправить туда министров, облечённых тем или иным характером»⁷³.

В инструкции 1774 г. Ассебургу предписывалось в вопросах церемониала и аккредитации следовать примеру представителей Франции и Англии и строго придерживаться правила, принятого Екатериной II: «Соблюдать равенство с коронованными особами, а значит — никому его не уступать и не требовать ни от кого таких же уступок»⁷⁴. Ассебург выполнил данное предписание. После короткого пребывания в Регенсбурге в 1775 г. он приезжал туда ненадолго в 1778 и 1779 гг., но начать процедуру аккредитации не решился, заведомо зная, что получит отказ.

Между тем после смерти в 1777 г. баварского курфюрста Максимилиана III Иосифа император Иосиф II попытался приобрести часть Баварии и Пфальца, обменяв их на одно из своих наследственных владений — Австрийские Нидерланды. В 1778 г. против него выступили многие имперские штаты во главе с Фридрихом II. Россия, будучи с 1764 г. союзницей Пруссии, вмешалась в это противостояние и выступила, наряду с Францией, в роли посредника, а затем стала гарантом Тешенского трактата, завершившего 2(13) мая 1779 г. Войну за баварское наследство. 12-я статья этого документа подтверждала ряд более ранних договоров, подписанных Австрией и Пруссией (Вестфальский 1648 г., Бреславский и Берлинский 1742 г., Дрезденский 1745 г. и Губертусбургский 1763 г.), что давало России определённые основания считать себя гарантом имперской конституции⁷⁵.

Мирные соглашения и акты гарантии по традиции ратифицировались рейхстагом. Поэтому в январе 1780 г. Ассебург вновь отправился в Регенсбург, чтобы не допустить при ратификации ущемления прав Екатерины II. Он даже был готов пойти на уступки в вопросах церемониала, но, когда понял, что позиция рейхстага в отношении России не слишком благожелательна, решил не добиваться публичного статуса. 17 февраля 1780 г. Тешенский договор был ратифицирован с оговоркой, что он «ни в коем случае не должен нарушать права империи, противоречить Вестфальскому миру и другим имперским законам или нарушать чьи-либо права, которые должны надлежащим образом соблюдаться в надлежащем месте в данный момент и в будущем»⁷⁶.

В январе 1782 г. Ассебург попытался без аккредитации при рейхстаге добиться признания за собой титула *Exzellenz* на том основании, что имел чин действительного тайного советника. Однако государственный канцлер кн. В.А. Кауниц-Ритберг выступил против, заявив имперскому вице-канцлеру кн. Р.И. Коллоредо, что это не тот случай, когда следует уступать⁷⁷. Российский дипломат официально оставался на своём посту вплоть до смерти 2 марта 1797 г., но попыток аккредитоваться больше не предпринимал.

⁷³ АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 43, л. 32 об.

⁷⁴ Сборник ИРИО. Т. 135. С. 230—231.

⁷⁵ Подробнее см.: *Нерсесов Г.А.* Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779). М., 1988. Однако, как заметил К.О. фон Аретин, вопрос о том, насколько такая гарантия соответствовала имперскому законодательству, остался открытым (*Aretin K.O.*, von. Rußland und die Reichspolitik Kaiser Josephs II // *Katharina II., Rußland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung.* Mainz, 2001. S. 125).

⁷⁶ *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg...* S. 293; *Härter K.* Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Rußlands als Garantiemacht der Teschener Friedens (1778—1803) // *Katharina II., Rußland und Europa...* S. 133—183.

⁷⁷ Österreichisches Staatsarchiv, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Reichskanzlei. Zeremonialakten, Karton 20—22, Fasz. Excellenz Titel für den Russisch-Kays. geheimen Rath v. Asseburg zu Regensburg.

Текущую работу регенсбургской миссии более 20 лет вёл советник посольства А.С. Струве, также не признанный поверенным в делах. В марте 1780 г. в Вене стало известно, что посланники имперских штатов на рейхстаге выразили недовольство тем, что главный императорский комиссар кн. К.А. Турн-унд-Таксис принимает Струве у себя. Иосиф II по совету кн. Кауница рекомендовал своему представителю воздержаться от подобной практики, поскольку она могла привести к нежелательным последствиям для церемониала на рейхстаге. Однако в конце октября 1782 г. позиция канцлера смягчилась: он предложил принимать Струве в обществе как советника посольства «иностранный державы первого ранга» и «выдающегося иностранца» (*eines distinguierten Fremden*), не признавая его поверенным в делах. В докладе императору 11 ноября кн. Коллоредо уточнял, что для рейхстага и представителей дипломатического корпуса Струве будет не «посольской персоной», но «иностранным частным лицом, которое облечено уважаемым двором характером советника» (*«nicht als eine gesandtschaftliche Person... jedoch als ein Fremder mit einem Raths Character von einem ansehnlichen Hof gekleideter Privatus»*). Иосиф II отметил на докладе: «Угодно» (*«Placet»*)⁷⁸. Эта любезность стала, вероятно, следствием сближения России и Австрии и заключения между ними союза в июне 1781 г.

Почему Екатерина II направила Ассбургга на рейхстаг в ранге полномочного министра, если была осведомлена о трудностях, с которыми ему придётся столкнуться? Почему не заменила его «министром без характера» или резидентом (как это было сделано в 1763 г.), фактически парализовав работу миссии? В церемониальных спорах, в вопросах престижа императрица никогда не делала уступок, а неопределённое положение Ассбургга, по-видимому, не воспринималось ею как потеря для внешней политики. К тому же в 1781 г. у России появилось ещё одно — седьмое (после Вены, Берлина, Гамбурга, Регенсбурга, Дрездена и Эйтина) представительство в Священной Римской империи — во Франкфурте-на-Майне. Через него были установлены прямые контакты с государствами Верхне- и Нижнерейнского, Вестфальского, Швабского и Франконского округов империи: с духовными курфюршествами — Триром, Майнцем, Кёльном и многими другими имперскими штатами, включая такие крупные, как Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель. Франкфуртская миссия вскоре стала новым центром российского влияния в Германии, усиление которого было напрямую связано со статусом Екатерины II как гаранта Тешенского мира. В 1785 г. последовало решение об учреждении самостоятельного представительства в Мюнхене, которое открылось в 1787 г. Регенсбург же, хотя и оставался политическим центром империи, очевидно, терял свою привлекательность для Петербурга.

В апреле 1797 г. Павел I восстановил официальный статус своего представителя при рейхстаге и во избежание церемониальных конфликтов назначил Струве резидентом⁷⁹. Миссия, созданная в начале Семилетней войны для наблюдения за передвижениями войск союзников и противников России и настроениями имперских штатов, выполняла эти функции и на рубеже XVIII—XIX вв., в период борьбы с революционной, а затем наполеоновской Францией, и лишь с распадом Священной Римской империи в 1806 г. прекратила своё существование.

⁷⁸ Ibid. Fasz. Ceremoniel gegen den Russischen Legations-Rath von Struve. 1782.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 83, оп. 83/2, д. 279, л. 3—6 об.